

Спустившись с вершины Пика Зеленого Пришествия, Сэ Чанмин первым делом отчитался перед Истинным человеком Лунъином, после чего направился в Павильон Хранения Книг.

Павильон высился на одном из отрогов по соседству с главным пиком. Путь туда лежал неблизкий — чтобы добраться, приходилось дважды пересаживаться с одного телепортационного массива на другой.

Начало учебного года и наплыв первокурсников принесли с собой бесконечную вереницу забот — наставники и старшие ученики буквально с ног сбивались от усталости. Сами же новоприбывшие, едва переступив порог академии, с ребяческим восторгом изучали все вокруг. В свои пятнадцать-шестнадцать лет они едва ли испытывали тягу к пыльным фолиантам Павильона Хранения Книг.

Окружающая павильон круча была высокой и отвесной; само здание брало начало у самого подножия и, закручиваясь исполинской спиралью, уходило ввысь, насчитывая в общей сложности двадцать один ярус.

Склоны кутались в густую горную дымку, которая с каждым шагом становилась все плотнее. У вершины, где располагался последний, двадцать первый ярус, туман сгустился настолько, что постройки скрывались из виду, словно затерянная в облаках обитель бессмертных небожителей.

Впрочем, здесь не делали тайны из общедоступных знаний: любые трактаты, не затрагивавшие сокровенные секреты великих орденов, будь то базовые техники или боевые приемы, хранились тут в виде бережно скопированных свитков.

Поговаривали, будто библиотека Академии Лулинь вобрала в себя наследие всех кланов Поднебесной и не имела себе равных. Судя по всему, слухи ничуть не преувеличивали.

Сэ Чанмин толкнул тяжелую створку и вошел внутрь. Залы тонули в тишине. Куда ни брось взгляд — всюду высились бесконечные стеллажи, среди которых изредка мелькали одинокие фигуры редких посетителей.

У самого входа, за конторкой для записи, примостился седобородый старый даос. Он увлеченно читал буддийскую сутру — судя по всему, благочестием истинного последователя Пути старик не отличался. Заметив гостя, он приветливо спросил:

— Молодой человек пришел почитать? Впервые у нас?

Сэ Чанмин кивнул. Даос приободрился и с еще большим радушием принялся расписывать устройство павильона.

Как выяснилось, доступ к этажам строго разграничивался: ученики с духовными силами ниже стадии Золотого Ядра могли занимать лишь первые пять ярусов. С каждым новым прорывом в

культивации открывался доступ к следующим пяти. Что же касается таинственного двадцать первого этажа, то он пребывал под вечной печатью — подниматься туда запрещалось абсолютно всем, независимо от могущества и былых заслуг.

Пространство каждого яруса делилось по сторонам света на пять секторов. В восточном, западном, южном и северном хранились труды по боевым построениям, боевым искусствам, духовным техникам, а также алхимии и талисманам. В самом же центре громоздились всевозможные разношерстные писания, не поддающиеся строгой классификации.

Сэ Чанмину требовались сведения о породах и повадках духовных зверей, поэтому он сразу направился к центральным стеллажам.

Старик негромко окликнул его в спину:

— Юноша, гляжу я на тебя и вижу вольного странника. Отчего же ты обходишь стороной свитки с духовными практиками? Здесь собраны подлинные учения древних орденов, причем в первозданном виде, без единой утерянной строчки.

Сэ Чанмин вежливо поблагодарил его, но от предложения отказался.

Сейчас его основой был «Канон Чистоты и Покоя» — довольно редкое и маловостребованное учение, направленное в основном на укрощение помыслов. После бурного демонического прошлого в минувшей жизни новое воплощение требовало смирения и работы над собственным нравом. Искусство владения клинком он тоже выбрал совершенно иное, отличное от того, что практиковал прежде. В своем первом земном воплощении он следовал заветам Школы Десяти Тысяч Дхарм — заштатного клана на Облачном континенте, чьи боевые стили не отличались изяществом. Во второй жизни, выбрав стезю насилия и переродившись в Царстве демонов, Чанмин закалялся в бесчисленных сечах и сам выковал собственный стиль. Однако тот был слишком пропитан кровью и беспощадностью, чтобы использовать его теперь.

Ныне же его выбор пал на технику «Не переходя Цишань», которую он некогда, еще в первой жизни, случайно отыскал в одной из тайных обителей. Она поражала своей лаконичностью: всего тринадцать приемов, но каждый из них дышал первозданной мощью, способной сокрушать горные хребты и поворачивать вспять бурные реки. Предания гласили, что гора Цишань лежит на стыке бытия и небытия. Вступить на ее тропы означало шагнуть в объятия смерти, но тот, кому удавалось повернуть обратно, обретал истинное бессмертие.

Если верить этим легендам, сам Сэ Чанмин уже дважды переступал невидимый порог и возвращался назад. И все же он не бывал на склонах Цишань, не переплывал океан страданий и не восставал из мертвых. Ему просто было даровано право начать все с чистого листа.

Услышав, что юноша не ищет тайных учений, старик вздохнул:

— Верно говоришь, в даосских канонах проку мало. Куда лучше обратиться к буддизму. Мирская суэта полна скверны, и лишь в учении Будды можно обрести истинное освобождение.

Сэ Чанмин, чей взгляд скользил по корешкам книг на нижней полке, не оборачиваясь, спросил:

— Отчего же почтенный даос сам не уйдет в монастырь?

Старик сокрушенно покачал головой:

— Года мои ушли. Ни один мирской храм не примет дряхлого старика для пострига. В юности же, когда даосы и буддисты враждовали не на жизнь, а на смерть, я умудрился нажать себе столько врагов, что ни один монах в здравом уме не станет моим проводником. Лишь разменяв четвертый век, я осознал горькую истину: Путь для меня закрыт, а врата к Будде заперты. Оттого и пытаюсь предостеречь вас, неразумных.

Сэ Чанмин молча посмотрел на собеседника. Возражать он не стал.

Он совершенствовался не ради туманного бессмертия, а значит, и в буддийском спасении нужды не испытывал.

В ту пору, когда он еще жил среди простых смертных, Сэ Чанмин был шестым ребенком в семье. Имя Сэ Лю, «Шестой Сэ», сопровождало его целое десятилетие. Именно поэтому глупую птицу он нарек Сэ Сяоци — «Седьмым Сэ». В этом прозвище не крылось никаких тайных смыслов, оно лишь служило напоминанием о его собственном прошлом.

Такой уж у него был характер. Даже давая кличку питомцу, он стремился запечатлеть в ней собственную метку. Птицу, которую он растил долгие годы, он продолжал искать даже после того, как потерял на целое десятилетие. Точно так же обстояли дела и с былыми обидами: врагов он помнил сквозь границы жизней и смертей, готовый карать их даже в новом воплощении.

Сэ Чанмин слишком хорошо понимал: сколько бы раз судьба ни даровала ему перерождение, кем бы он ни становился — праведным даосом, грозным демоном или смиренным монахом, — покой и освобождение ему не суждены.

Собрание книг в павильоне казалось безбрежным океаном. Особенно это касалось центрального сектора, где громоздились бессистемные груды манускриптов: путевые заметки о нравах дальних земель, труды по астрономии и географии, гадательные практики по «Книге Перемен» и даже подробные описания демонических тварей.

Потратив изрядно времени и сил, Сэ Чанмин отыскал среди этих завалов несколько свитков, посвященных духовным тварям. Приложив ученический нефритовый жетон для записи своего имени, он покинул павильон.

Когда он вышел на воздух, сумерки уже укутали горные выси.

Взглянув на угасающий небосвод, Сэ Чанмин рассудил, что трапезная академии уже закрылась, а потому решил обойтись обычной пилюлей Отречения от Пищи.

Дважды миновав телепорты, он приблизился к воротам своего двора Ланьюэюань и замер: изнутри доносился невообразимый шум и крики.

Сэ Чанмин уже было занес руку, чтобы сотворить заклинание мгновенного перемещения прямо в свои покои, но вовремя передумал. Рядом жил Чэнь Ибай, который, при всей своей простоватости, дураком все же не был и вряд ли проигнорировал бы подобное чудо. Следовало соблюдать осторожность.

Распахнув калитку, он опешил. Будто по мановению волшебства, посреди цветущей весенней поры во дворе Ясной Луны разыгралась настоящая зимняя стужа. Завывал ледяной ветер, кружились белые хлопья, а вчера еще зеленевшая дикая слива теперь стояла, сплошь усыпанная белоснежными ледяными бутонами.

Посреди этого снежного царства собралось человек шесть. Четверо стояли в сторонке, наблюдая, а двое в самом центре вели яростный спор.

Зачинщиками переполоха оказались Чэнь Ибай и девица, занимавшая комнаты в восточном крыле.

Звали ее Жуань Люся, и принадлежала она к Школе Таинственного Льда. Этот орден пользовался на Восточном континенте огромной славой по двум причинам. Во-первых, туда принимали исключительно одаренных послушниц с чистейшим единым духовным корнем Воды, отчего даже самые юные из них обладали завидным могуществом, а девицы ниже стадии Золотого Ядра почитались за нерадивых учениц. Во-вторых, все без исключения адепки славились редкой красотой.

Юные и сильные духом заклинатели часто обзаводятся причудами, но пристрастия учениц Школы Таинственного Льда были совсем уж диковинными: где бы они ни селились, вокруг них тотчас воцарялась вечная мерзлота, поскольку холод, по их заверениям, способствовал быстрому накоплению духовных сил.

Чэнь Ибай явно проигрывал в словесной дуэли. Стоило ему заметить вошедшего Сэ Чанмина, как лицо его просветлело, точно у утопающего, ухватившегося за соломинку.

— Брат Сэ! — истошно завопил он. — Рассуди нас!

Высказавшись, он смерил окружающих презрительным взглядом, явно уповая на то, что новоприбывший не убоится натиска своенравной красавицы. На самом деле истинная причина его слепой веры крылась в событиях вчерашнего дня: Чэнь Ибай на собственной шкуре прочувствовал твердый нрав Сэ Чанмина и знал, что за его обманчивым миролюбием скрывается отнюдь не кроткий характер.

— Восемь человек делят этот двор! — возмущался Чэнь Ибай. — А дева Жуань без спросу устроила здесь ледник! Неслыханное самоуправство!

Сэ Чанмин скользнул по нему безучастным взглядом и ровно ответил:

— Я не против.

Царит ли во дворе зной или стужа — Сэ Чанмину было глубоко безразлично. Подобные мелочи не могли поколебать его душевного равновесия.

Чэнь Ибай онемел от изумления.

Жуань Люся победоносно фыркнула:

— Ну и что ты теперь скажешь?

Поняв, что поддержки ждать неоткуда, Чэнь Ибай ринулся в бой в одиночку:

— Да ты... ты нарушаешь здешний порядок и портишь имущество академии!

— Я советовалась с шишу! — отрезала Жуань Люся. — Если остальные обитатели двора не возражают, то и нарушения никакого нет.

— Помилуй, на улице собачий холод, да и в комнатах зуб на зуб не попадает! Как нам спать в такой холодине?

— Я куплю тебе жаровню и раздобруюсь на самые теплые одеяла!

— Даже так! — не унимался тот. — В такую стужу пальцы во время медитации каменеют! Это мешает моему самосовершенствованию!

Жуань Люся возмущенно округлила глаза:

— Да почему из всех присутствующих один ты такой привередливый?!

— Я лишь отстаиваю свои законные права! — упрямо выпятил подбородок Чэнь Ибай.

Кончилось все тем, что Чэнь Ибай сдался. Никто больше возражать не посмел.

Во-первых, закаленные заклинатели не слишком страдали от мороза. Во-вторых, Жуань Люся, будучи любимой ученицей Школы Таинственного Льда, оказалась сказочно щедра: она не поскупилась на духовные камни, дабы сполна возместить соседям и «вред для здоровья», и «препятствия на пути к Дао».

Потеря изрядного количества камней ничуть не умалила радости наследницы ледяной обители.

Истинная преемница Школы Таинственного Льда обязана нести холод повсюду, куда ступает ее нога. И даже если соседи недовольны, настоящий адепт не отступит от своих принципов — она просто щедро задобрит недовольных золотом из личных сбережений.

Уладив спор, Чэнь Ибай увязался за Сэ Чанмином в его комнату.

— И зачем ты потакаешь ее капризам? — с обидой в голосе спросил он. — Это ведь чистой воды произвол!

Сэ Чанмин аккуратно опустил стопку книг на стол и сделал глоток остывшего чая.

— Ради покоя.

— Если тебе так нужен покой, отчего ты вчера не съехал? — вскинулся Чэнь Ибай. — Одному-то спалось бы куда спокойнее!

Сэ Чанмин одарил соседа загадочной, едва заметной улыбкой.

— Правда хочешь знать?

Чэнь Ибай решительно закивал.

— Ты — вольный заклинатель, — ровно произнес Сэ Чанмин.

Собеседник недоуменно захлопал глазами, не улавливая связи.

— А дева Жуань представляет великую Школу Таинственного Льда, — продолжил Сэ Чанмин. — Знаешь ли ты, кто обитает на покрытом вечными снегами пике Задней Звезды? Ее старейшина, родной шишу нашей прекрасной соседки.

Он бросил на Чэнь Ибая выразительный взгляд и замолчал, щадя самолюбие простодушного приятеля.

До Чэнь Ибая наконец дошло. Он — безродный бродяга: припугни его разок, он и пикнуть не посмеет. С Жуань Люся же шутки плохи: тронешь девицу — наживешь врага в лице могущественного старейшины. Закон выживания в мире бессмертных суров: за спиной у сильных всегда высится гора.

— Брат Сэ, — убитым голосом выдавил Чэнь Ибай, потрясенный этой горькой правдой жизни. — Как же я в тебе ошибался.

Сэ Чанмин преспокойно отхлебнул чаю. Своим невозмутимым видом он преподавал Чэнь Ибаю наглядный урок: удел слабых и безродных одиночек всегда таков — безропотно сносить чужие прихоти.

Да и по правде говоря, затея Жуань Люся ничуть не мешала планам Чанмина. Все, чего он желал, — это без лишнего шума отыскать в архивах академии зацепки, способные навести на след Сяо Тумао. Оставив в прошлом титул грозного демона, он стремился вести себя тише воды, ниже травы.

К тому же Сэ Чанмин подметил занятную деталь: Жуань Люся происходила из благородной Школы Таинственного Льда, а ее шишу правил целым пиком в академии, однако даже ей выделили лишь скромные покои в общем дворе на восьмерых. И чтобы обустроить здесь ледяной массив, девице пришлось пойти на хитрость, а после — задабривать соседей монетой. Никаких поблажек знатное происхождение ей не принесло.

То ли дело Шэн Лююй. Тот прибыл задолго до начала занятий, занял целый уединенный особняк и ни в чем не знал отказа. Сравняй он с землей вершину Пика Зеленого Пришествия — никто и слова бы пикнуть не посмеет. И если бы не жесткие наставления господина Сюя, юный господин Шэн и вовсе горя бы не знал, предаваясь праздности.

«С чего вдруг я опять вспомнил об этой капризной птице Чанмин?»

Отогнав навязчивый образ, Сэ Чанмин мысленно поставил точку. Их пути с Шэн Лююем разошлись. Даже если им суждено сидеть в одном зале во время лекций, вряд ли между ними завяжется беседа.

В конце концов, птицы Чанмин — божественные создания. Сэ Чанмин ни на миг не верил, будто его вчерашний знакомый столь беззащитен и слаб, каким хочет казаться. Его показная кротость, скорее всего, была лишь искусной игрой.

Подхватив одолженные свитки, Сэ Чанмин ушел к себе. Затеплив свечу, он разложил на столе первый трактат и погрузился в чтение.

Огонек в его окне не гас до самого рассвета.

На следующий день начались настоящие занятия. Первой в расписании значилась общая теория боевых построений.

Сэ Чанмин пришел заранее. К этому часу учебный зал заполнили лишь самые прилежные ученики, напроць занявшие первые ряды.

Сам он рвением к учебе не отличался. Хотя при нем и был учебник, в мыслях Чанмин лелеял надежду незаметно полистать бестиарий, а потому без лишней суеты устроился в самом неприметном углу.

Слушателей собралось великое множество — свободные места таяли на глазах.

Незадолго до появления наставника задняя дверь бесшумно приоткрылась, и в зал вошел Шэн Лююй.

Его лицо скрывала неизменная шелковая повязка Облачной дымки. Прижимая к груди пухлый том, он нерешительно замер на пороге, словно сиюсь разглядеть обстановку.

В помещении еще оставалось несколько разрозненных мест, однако юноша медлил, не решаясь сделать и шага. Сэ Чанмин догадался: капризный баловень судьбы попросту брезговал делить парту с незнакомцами и высматривал полностью свободный стол.

Однако лишних столов в зале не предвиделось. Заминка затягивалась, привлекая к застывшей у входа фигуре все больше любопытных взглядов. По рядам пополз шепоток.

Лишенный слуха и зрения, Шэн Лююй не мог разобрать пересудов и заметить обращенного на него внимания. Сквозь полупрозрачный шелк Облачной дымки его взору представляли лишь колышущиеся сгустки чужого тепла. И он упрямо продолжал стоять на месте.

Сэ Чанмин тихо вздохнул.

Сняв с левого запястья четки, он незаметно сплел пальцами защитное знамение, мгновенно утаившее и стук его сердца, и тепло дыхания.

План сработал: почуяв внезапно образовавшуюся «пустоту», Шэн Лююй уверенно направился напрямик к его парте, опустился на свободное место и чинно раскрыл книгу.

Разумеется, на этом его ученический пыл и иссяк. Плотные страницы толстого учебника пестрели замысловатыми чертежами базовых боевых построений.

Незрячий юноша при всем желании не сумел бы разобрать ни единой черты — бездушная бумага не излучала тепла, а сквозь плотную ткань повязки мир казался безликим маревом.

Сидящему бок о бок Сэ Чанмину было предельно ясно: сосед лишь делает вид, будто углубился в чтение.

Впрочем, сам Чанмин лекцию тоже пропускал мимо ушей. Еще в первой своей жизни, застряв на стадии Золотого Ядра без малейшей надежды на прорыв, он принялся досконально изучать

прикладные дисциплины: начертание печатей, создание талисманов и боевые массивы. Прописные истины, которые вещал наставник, он знал назубок.

Почтенный лектор терпеливо и подробно разъяснял материал, шаг за шагом выводя на чистом холсте линии построения. Для обычных учеников это было неоценимым подспорьем, но для Шэн Лююя оборачивалось лишь немым укором.

Сэ Чанмин краем глаза наблюдал, как юноша послушно поворачивает голову вслед за остальными, силясь уловить движение кисти учителя. Однако начертание массивов — дело куда более тонкое, чем обычное письмо. Сложнейший порядок линий сбивал с толку, и тот, кто никогда не видел узора воочию, не сумел бы воссоздать его в воображении.

Шэн Лююй честно просидел с высоко поднятой головой половину урока. Его тонкие брови сошлись у переносицы, но в конце концов он обреченно опустил плечи, сдаваясь.

Похоже, зачет по этой дисциплине ему не светил.

Поймав себя на том, что чересчур пристально разглядывает соседа, Сэ Чанмин поспешно опустил голову и принялся сосредоточенно перелистывать бестиарий.

Стоило ему шевельнуться, как с его плеча скользнул махровый лепесток ледяной сливы — должно быть, тот запутался в его волосах еще во дворе, когда Жуань Люся наколдовала зиму.

Крошечный ледяной бутон плавно опустился на деревянную столешницу, замерев у самых пальцев Шэн Лююя.

Сэ Чанмин потянулся было, чтобы смахнуть цветок, но опоздал. Тонкие пальцы юноши коснулись лепестков. Шэн Лююй бережно подобрал ледяную сливу и умиротворенно улыбнулся, точно капризное дитя, отыскавшее новую забавную игрушку.

Сэ Чанмин невольно замер.

«Пожалуй, пусть забирает»

<http://bllate.org/book/18249/1750586>